Жертва Бахуса. Рассказ

**Бахус — бог в древнегреческой мифологии, который отвечает за виноделие, вино, пьянство и безумие.*

...Меня, вместе с другими, втолкнули в пересыльную камеру N-ой тюрьмы и дверь опять закрылась. Я вдохнул в себя горячий, ужасно вонючий, удушливый воздух и сильно закашлялся.

Под потолком висела единственная лампа, свет которой совсем не достигал углов длинной камеры.

Первое время я ничего не мог рассмотреть, но потом глаза мои привыкли к мраку, и я, к моему ужасу, увидел, что камера была буквально переполнена арестантами. Только около «параши» можно было поместиться на мокром, грязном полу. Мы начали укладываться.

Со всех сторон заключенные с любопытством рассматривали нас. Невольно чувствовалось, что эти люди с затаенной враждой относятся к нам, и мы теснее прижались друг к другу и зорко смотрели за нашими вещами.

К нам подошли два арестанта.
— Здесь очень грязно, — заметил первый, тщедушный, с реденькой козлиной бородкой.
— Да и «параша» воняет, — засмеялся другой.
— Ничего, — ответил мой сосед, — как-нибудь.
— Если желаете, то мы найдём местечко на нарах? — живо перебил его тщедушный арестант.
Мы удивленно посмотрели на него.
— Ведь нас шесть человек, а на нарах и мухе негде сесть, — заметил я.
— Будьте покойны, только... — и он пощёлкал пальцами.
— Хорошо, мы не останемся в долгу, — согласились мы.
Они быстро раздвинули лежащих арестантов, и мы удобно расположились на нарах. После, долгих мытарств этапа мы сильно устали и скоро заснули.
Проснулся я рано утром от громкого крика. Сначала я ничего не мог понять и с трудом поднял, словно свинцом налитую, голову. Посреди камеры громко спорили уже знакомый нам арестант с козлиной бородкой и другой — высокий, сильный мужчина с сердито нахмуренным лбом и сжатыми кулаками. Первый, оказавшийся избранным старостой по камере, со злобно сверкающими глазами и прыгающей бородкой, приказывал, чтобы тот вымел камеру, а силач отказывался. Наконец, в спор вмешались другие и силач принуждён был взять метлу.
В камере, сразу стало тихо.
Ночью мне снилось, что я в большом собрании говорил проповедь. Все с большим вниманием прислушивались к моим словам. Многие плакали. Я, взволнованный, горячо говорил о любви Христа к падшему человечеству. Вдруг один из слушателей громко вскрикнул, и я проснулся.
Это кричали спорщики.
Такой резкий переход от приятного сна к плачевной действительности невольно смутил меня. Тоска охватила мою грудь. Долго ли будет продолжаться эта нравственная пытка?.. Джон Буньян просидел в заточении долгих 12 лет!.. Это ужасно!.. Впрочем, Господь знает наши слабости и в утешение сказал: «В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь, Я победил мир». О, сердце, не смущайся, верь! Прочь сомнения!..
— Становись на поверку! — вдруг прозвучал голос надзирателя.
Все выстроились по четыре человека в ряд.
— Смирно! —крикнул тот же надзиратель.
В камеру вошли человек десять надзирателей во главе с помощником начальника.
— Здорово, ребята! - угрюмо и тихо сказал он.
— Здра-та-та-та! — прозвучало в ответ.
Он пересчитал всех, записал и вышел. Мы повернулись к углу и запели «Отче наш».
Проверка кончилась.
Я опять лег. Все члены у меня болели, точно от сильных побоев. Мне хотелось не чувствовать, не сознавать мрачной действительности, но сон бежал от меня.
В камере было жарко и душно... Табачный дым давиле горло и резал глаза. Шумный разговор и смех утомляли слух. Резкий звон кандалов раздражал нервы. Арестанты быстро ходили по камере, стараясь размять затёкшие члены, усталые, бледные, нервные. Сколько разнообразных и ужасных случаев из своей жизни могли бы рассказать эти угрюмые люди? Некоторые хвастаются своими похождениями; другие же сожалеют о содеянном. Эх, поддержал бы кто вовремя — и не попал бы в тюрьму! Встречаются и по ошибке попавшие в заточение. Они с ужасом

присматриваются и прислушиваются ко всему. Тюрьма — новое царство! Все-таки, большинство заключённых — порочные, имеющие «дела» люди. Редко удается тронуть ожесточенное сердце такого арестанта. Они преклоняются только перед силой.
Когда мне приходилось проходить мимо тюрьмы, я всегда останавливался и думал: «Как там живут люди»?
Издали тюрьма имеете довольно привлекательный вид. Смотря на неё, нельзя подумать, что в этом красивом, белом, высоком здании томятся узники. Но вблизи, при виде толстых железных решеток в окнах и часовых с ружьями, исчезает всякая привлекательность. Как обманчива наружность?!.. Встречаются люди в чистых, модных костюмах, приятной наружности, и, смотря на них, нельзя подумать, что всё это только кажется приятным, а на самом деле весь внутренний мир обставлен решетками и стенами греха. Люди мучаются, страдают.
Только ярые лучи солнышка, проникая через решетки, освещают все мрачные уголки тюрьмы и оживляют, согревают заключенных.
Вдруг загремел замок, дверь распахнулась и надзиратель втолкнул к нам дряхлого, оборванного старика. Все обступили его и несколько минут молча рассматривали нового товарища. Я тоже встал и подошёл к нему. На нас равнодушно смотрел подслеповатыми глазами старик, лет 70-ти. Меня особенно поразила его голова. Большая, обрюзгшая, с седыми растрепанными волосами, грязным лицом, с большими оттеками под глазами, она едва держалась на тонкой, худой шее. Руки и ноги у него сильно дрожали. Дышал он быстро и отрывисто, точно после быстрой ходьбы.
— Отдышка, — заметил кто-то.
Старик, едва двигая ногами в опорках, добрел до нар и сел. Сквозь грязные, оборванные лохмотья просвечивалось худое, испачканное тело. Он ещё раз как-то печально посмотрел на всех, потом медленно уперся руками в колена и начали глухо и отрывисто кашлять.
— Агь-ха! Агь-ха! Агь-ха!
Кашлял он бесконечно долго. Наконец, совершенно изнемогши, он лёг на нары. К нему подошёл низенький арестант и поднял его.
— Хорош, нечего сказать! — проворчал он. — Ишь, налимонился! Видно, дружище, запоем страдаешь. Пошёл прочь отсюда!
И он оттолкнул от себя старика.
Голова старика качнулась в сторону, он слабо взмахнул руками, упал на пол и закричал от боли.
— Как вами не стыдно! — крикнули я, бросаясь к старику.
— Ничего, скорей окочурится, — злобно заметил другой.
Я с удивлением смотрел на них. На лицах блуждала злобная, ироническая улыбка.
— Милосердный самарянин отыскался! Ха-ха-ха! — желчно засмеялся третий.
Не обращая на них внимания, я поднял старика и усадил его около стены на пол. На нарах ему не позволяли сидеть: лохмотья его кишели сотнями паразитов.
— Это ужасно! — вырвалось у меня.
Помочь ему не было никакой возможности; сам я ничего не имел при себе.
— Вот он, представитель существующего человечества, живой, вонючий труп! — обратился ко мне сосед, молодой, симпатичный человек.
Я вздрогнул от неожиданности и ещё раз взглянули на старика. Ах, как подходило к нему это сравнение!
Образец безнравственности, всего греховного, с запачканной совестью, больного с головы до ног

человечества, лежал у моих ног на грязном, холодном полу.
Опухшая, всклокоченная голова, болтавшаяся на тонкой шее; худое, испитое, больное тело; жалкие лохмотья, едва прикрывают старика; душный, вонючий подвал, переполненный грубыми, озлобленными людьми; в прошлом — несчастье, горе, падение, преступления, ожесточенная борьба, страдания; в будущем — мрачные, гигантские тени... Брр!.. Ужас. Мрак. Жизненная тюрьма...
На дворе стояла пасмурная, мокрая осень. Несколько дней подряд моросил мелкий надоедливый дождик, точно оплакивали горе людское и "не хотел утешиться". В узеньком окне виднелся клочок неба. Темно-серые тучи медленно ползли предо мною. На дворе — сыро и холодно, здесь мрачно и душно.
— Агь-ха! Агь-ха! Аг-ха!.. — закашлял опять старик.
У меня закружилась голова. Я уткнулся головой в пальто и сильно сдавил себе глаза. Мне не хотелось ни думать, ни двигаться, но жалкий старик стоял предо мною, и я никуда не мог убежать от него. В ушах звучало его хрипение.
— Погибает от пьянства! Жертва Бахуса! Представитель! Представитель!.. А как он дошёл до такого состояния?..
Я сильнее сдавил голову. Светлое, круглое пятно, блуждавшее пред моими закрытыми глазами, постепенно начало принимать более определенную форму, и как-то незаметно я вдруг очутился на большой улице и увидел белокурого мальчика с живыми голубыми глазами, лет десяти. Его маленькую фигурку стройно облегала ученическая курточка. Весело напевая какую-то песенку, он быстро шёл, громко стуча крепкими сапогами. Вдруг он остановился около лежащего под деревом человека и увидел, что тот был сильно пьян. Всё лицо его и руки испачканы кровью. Он пробовал встать, но, поднявшись немного, падал опять. Наконец, он обернулся на спину и открыл глаза.
— Агь-ха, агь-ха, аг-ха! - вдруг закашлял он, брызгая во все стороны кровью.
Мальчик хотел было помочь ему, но, увидев кровь, испугался, заплакал и побежал домой. Его встретила мать, вытерла ему слезы и начала успокаивать.
— Видишь, милый, — гладила она его по голове, — какой ужасный вид у этого пьяного? А он наверно был таким же мальчиком, как и ты! Почему он стал таким несчастным? Из-за пьянства! Смотри же, сынок, запомни это, и никогда не пей водки. Слышишь?
— Никогда, мама, я не буду пить, никогда!
Потом картина переменилась.
Прошло лет десять. В той же чистенькой комнате, у окна, стояла опрятно одетая женщина и тревожно прислушивалась к каждому шороху и сильно вздрагивала при малейшем шуме. Волнение всё увеличивалось.
— Почему его так долго нет? — шептали её побелевшие губы. — Не случилось ли с ним какого несчастья? Сохрани Боже! Он у меня один.
На дворе уже совсем стемнело. С утра начавшийся дождик к вечеру еще более усилился. Холодный, осенний ветер беспощадно трепал деревья и безжалостно бросал в грязь пожелтевшие, мокрые листья.
Мать вышла на улицу, внимательно посмотрела вдаль и, стряхнув с себя упавший лист, вернулась в комнату.
На улице вдруг загремел извозчик и через минуту в комнату ввалился пьяный молодой человек с бледным, перекосившимся лицом.

— Боже, сын! — дико вскрикнула мать и судорожно схватилась за голову.
— Мама, не... — хотел он что-то сказать, но язык отказывался служить ему.
Он с минуту ещё покачался на одном месте, потом упал на пол и не то заплакал, не то закашлялся.
— Агь-ха, агь-ха, агь-ха!
А над ним склонилась бедная мать и, с бесконечным горем заломив руки, горько, горько рыдала.
Картина опять переменилась.
Мне казалось, что прошло уже много лет.
От сильного дождя на улице стояли большие лужи. Поздняя осень показала себя во всем величии своей мокрой, грязной, серой, расстраивающей нервы, красоты. Люди с нетерпением ожидали первых заморозков, чтобы стряхнуть с себя вялость и тоску, навеянную пасмурной погодой.
К вечеру дождь перестал. Тучи поспешили куда-то скрыться от взора людей. Яркие звезды тысячами глаз смотрели на землю, прорезая густой туман и, увидев своё отражен в лужах воды, весело перемигивались между собой... Прохожие осторожно пробирались по сухим местам.
Но вот один человек, без шапки с седой головой, не разбирая дороги медленно продвигался вперёд и сильно шатался из стороны в сторону. Мне лицо его было удивительно знакомо, но я не мог припомнить, где я его мог видеть... Вдруг он поскользнулся и упал в воду. Через минуту он опять с трудом поднялся и, пройдя несколько шагов, прислонился к стене.
— Да... трудно... одинок... погибший! — прошептал он.
Ноги его подогнулись, он потерял равновесие, покачнулся, свалился в воду и заснул… На утро его подобрали и полузамёрзшего доставили в участок.
Когда он очнулся, то ясно почувствовал, что дни его уже сочтены. Болезнь — водянка быстро распространялась в нём... Лежа в участке, он припомнил всю свою жизнь: своё счастливое детство, пьяницу с разбитым носом, который так напугал его, свою ласковую, добрую мать, падение, когда он в первый раз поддался искушению товарищей и напился пьяный, как потом он постепенно опускался все ниже и ниже, преждевременно вогнал во гроб свою, когда-то горячо любимую мать, пожертвовал своё тело и душу на служение пьянству и теперь самому осталось жить немного... Да разве это жизнь!... Это мучение, сплошное страдание!.. Жертва!.. Жертва!..
К горлу подступило что-то, грудь заволновалась и прижав руки к горлу, он жалобно застонал:
— Аг-ха! Аг-ха! Агь-ха!
Я вздрогнул и очнулся.
Больной старик продолжал кашлять, из последних сил надрывая свою впалую грудь.
— Представитель существующего человечества! — вспомнил я сказанную фразу.
В моём, до боли возбужденном мозгу, всплыли новые картинки.
Мне припомнились последние часы жизни Иисуса Христа... Он стоит перед Пилатом. Грубая, озверевшая толпа беснуется, волнуется... И главные возмутители, поджигавшие толпу, были первосвященники, фарисеи и учителя народные. Люди, стоящие у руля человеческой мысли, требовали смерти Невинного.
— Распни Его!.. Распни Его!..
Греховные сердца извергали только зло, ненависть, проклятие.
Вот они достигли требуемого... Христос висит на кресте... Они торжествовали победу, стояли вдали и смотрели.

— Мы победили. Посмотрим, что Он сделает?
— «Отче прости им, ибо не знают, что делают» — слышится голос Христа, полный любви и прощения.
— «Сойди со креста»! — смеются они.
Они забыли все законы нравственности, милосердия и справедливости, которыми была переполнена их библиотека. В сердце был один закон, одно требование — грех...
— «Посмотрим, что Он сделает?.. Посмотрим…»
Давно накопившаяся ненависть вырвалась наружу.
— «Мы дети Авраама»! — когда-то заявили они.
Теперь учителя смешались с чернью...
Грязная опухшая, голова!..
Как-то пришлось беседовать с молодым арестантом, он заявил, что поклоняется только науке и образованию.
— Одно образование только и может воспитать человека и развить в нём хорошие желания. Другого я ничего не признаю, — решительно заметил он.
На другой день он поругался с другими арестантом, рассердился, вцепился ему в волосы и начал его быть. Я с изумлением смотрел на него. Он заметил мой взгляд, сконфузился и ушёл на свое место.
— Нет, здесь нужно ещё что-то, — заявил я ему позже. — Не достаточно, хотя и необходимо развитие ума, а нужно и развитие сердца...
Больная всклокоченная голова! Ах, она стояла предо мной, мучила меня!..
Когда-то, до обращения моего к Господу, я тоже противился учению Евангелия и считал всё это отжившим, устарелым. Но я также начал разочаровываться и в моих друзьях, «поклонниках науки». Рассуждая о нравственности и превосходстве человека, они жили грязненько, пошло, делая всё это втихомолку.
Как-то я ушёл в жаркий, летний день в лес, лёг под ветвистым деревом и задумался:
— Что делать?
Тихой прохладной и какими-то лесным спокойствием веяло вокруг меня. Невидимые, скрытые в густых листьях, птички на разные лады пели и чирикали свои песенки. Старательные муравьи продолжали свою работу и не обращали на меня никакого внимания. Большая муха прожужжала надо мной и полетела дальше. Всем было вольно, уютно, хорошо...
— Почему это нам живётся плохо? — невольно подумал я.
— В вас причина! Ищи глубже!.. — казалось, пели мне птички.
Мне так хотелось в тот день обнять всех людей и пригласить их искренно отдаться на служение добру, чистоте, любви... Но вдруг я остановился и подумал:
— Других хочешь пригласить, а сам что делаешь?
Густая краска залила мне лицо.
— Других, а сам!.. Других, а сам! — настойчиво пели птички.
Разнообразные мысли завладели мною тогда. Я задыхался под этой тяжестью и наконец разрыдался... Одно я хорошо понял, что я болен, порабощен, хотя и молод ещё, но уже безвольный... С того памятного дня я начал глубже вникать в себя и не успокоился, пока не нашёл мира у ног Христа...
Больное, прикрытое лохмотьями тело!..

Не обращая никакого внимания на окружающих, в углу, на нарах сидел мрачный пожилой арестант. Лоб его был испещрён морщинами и глубоко запавшие глаза иногда вспыхивали каким-то жёстким огоньком. Он тихо пел:

«Солнце всходить и заходить,
А в тюрьме моей темно» ...

Однажды он разговорился со мной. Он когда-то жил хорошо, но потом запьянствовал и «под пьяную руку» украл у своего хозяина деньги.

— Я валялся у него в ногах и просил прощения, — взволновано говорит он. — Просил, чтобы он не губил меня. Обещался вернуть деньги. И я говорил тогда правду!.. Но он, злодей, не простил, а вот запёк в тюрьму. Теперь я вор, арестант... Зелье проклятое!.. Вот дождусь конца, а там убью хозяина. Отомщу за всё, за унижения... Он пьёт шампанское, пьянствует ночью в клубах, да в отдельных кабинетах ... А когда я дорвался до сивухи и потерял рассудок, то он меня... в тюрьму. У!.. Злодей!.. Дождусь... а там хоть трава не расти, — блеснул он глазами.

Я тогда старался успокоить его, советовал простить обиды и стараться исправиться, но он только усмехнулся и отошёл прочь...

«Как хотите, стерегите»...
пел он дальше.

— Сколько людей поют эту песню, унылую, безотрадную, — думал я. — Многие, хотя и не бывали в тюрьме, всё-таки чувствуют своё рабство духовное.

Они не ошиблись, если бы пели:

«Солнце всходит и заходит,
А в душе моей темно.
Днём и ночью грехи злые
Стерегут души окно»...

Пьянство одно из этих ужасных грехов. Оно — бич для нашего народа! По последним вычислениям в России за 1904 год выпито водки более 72 000 000 вёдер и на это ушло более 700 000 000 рублей. За один год!.. Каким противоядием можно уничтожить это ужасное зло? У ног моих, на полу, лежала жалкая жертва Бахуса. Кто поможет?..

Сотни, тысячи жертв приносятся на алтарь пьянства. Множество молодых и старых жизней погибли в волнах этого яда, захлебнулись, пошли на дно...

— Кто может помочь?..

Иисус Христос переправляется с учениками через море в страну Гадаринскую. Он стремится и там посеять семя любви и мира. На дороге Христос встречает бесноватого. Измученный, истерзанный, почти голый, с безумными, блуждающими глазами и ужасными воплями он приводить всех встречных в трепет. Все спешат уйти от него подальше. Он очень известный в окрестностях Десятиградия.

Врачи отказались от него. Цепи не могут удержать его. Он беснуясь всё разбивает, сокрушает, уничтожает.

В нём жили злые духи. Люди отказались помочь ему и с волнением ждали:

— Не сорвался ли он с горы?

— Не разбился ли он о камни?..

И вдруг он столкнулся с Иисусом. Взоры их встретились. Тихий, ласковый взгляд Иисуса проник в

сердце бесноватого. Он ещё сильнее заволновался.
— Не мучь меня! — закричал он.
— Выйди дух нечистый из сего человека, — приказал Иисус Христос...
— Кто его исцелил?
— Кто мог помочь? - возбужденно спрашивал народ.

Бывший бесноватый сел у ног Иисуса и с безграничной любовно смотрел на Своего Спасителя, Врача и Учителя.
— Он! — указал народ.
— Он! — повторили пастухи.
— Он! — прошептали благоговейно ученики.
Иисус Христос, пришедший «спасать погибшее», может и от этого зла избавить человечество. Он желает, чтобы лично каждый доверился Ему... Из чистого сердца исходят добрые поступки. Но люди бегут от Него и погибают в своих грехах...
Аг-ха, агь-ха, аг-ха! — как бы подтверждая мою мысль, закашлял старик ещё громче...
К вечеру ему стало хуже. Кашель почти не прекращался. Тюремный фельдшер обещал взять его на следующей день в больницу. Но эту ночь ему приходилось спать на полу.
Долго я не мог заснуть. Несмотря на общий гул стоны старика прорезали воздух и заставляли меня вздрагивать. Постепенно все затихло, и я забылся тяжелым сном.
Утром меня поразила необычайная тишина и тревожный шёпот заключенных. Я вскочил и увидел на нарах застывший, длинный труп старика. Никто не видел, как он умер. Открытые глаза его выражали ужас и упрёк. Все боялись смотреть на него. Смерть заявила о себе и самые жестокие поникли головой...
Вошли два надзирателя и подошли к трупу.
— Понесём его домой, — засмеялся один из них.
Всех покоробил этот смех. Они взяли его за голову и за ноги и вынесли в коридор.
— Эх, жизнь! — вздохнул мрачный арестант.
— Как звать-то его, никто не знает? — добавил другой.
Я чувствовал себя очень скверно. Сердце сжалось мучительной тоской, в висках стучало.
— Бедный, бедный!.. — пожалел ещё кто-то.
Я лёг опять, отвернулся к стене и крепко закрыл глаза ...

Михаил Тимошенко

Комментарии
